

МОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «КАРАМОРА»

Литература конца XIX – начала XX веков характеризуется полным переосмыслением, изменением всех норм и традиций литературы, которые господствовали прежде. Мы можем наблюдать отступление от классического детерминизма – за личность признаётся право непредсказуемой и недетерминированной в классическом смысле изменчивости, внутренней волевой реакции на событие. Отказ от классической формулы «среда заела» заставляет литературу искать новые пути изображения личности и мира, и она находит своё выражение в системе мотивов и лейтмотивов, которые буквально пронизывают произведение, подчас являясь несвязными, нелогичными и даже абсурдными (впрочем, только на первый взгляд, при детальном рассмотрении мы можем определить все причины тех или иных действий персонажей). Сплетение нитей повествования разных героев с их разными мотивами позволили писателям того времени создавать действительно неповторимые произведения, непредсказуемые и от того – более чем интересные.

Одним из литературных приёмов стало новое видение и трактовка старых, известных книг, значение которых считалось предельно ясным и точным. Одной из таких книг является Библия.

Целью данной работы является анализ своеобразия, переосмысления М. Горьким библейского мотива предательства, представления к нему совершенно нового подхода.

Произведение Максима Горького «Карамора» входит в книгу «Рассказы 1922–1924 годов». Тогда, в 1920-е годы, Горький, оказавшись в двусмысленном положении – фактически в эмиграции, хотя говорили, что он якобы уехал за рубеж только лечиться по настоянию Ленина, – проводит ревизию собственного миропонимания.

Главная идея этого сборника рассказов — отсутствие у человека изначального представления о добре и зле. А тема «Караморы» – отсутствие границы между совестью и бесчестием. Это демонстрируется на примере провокатора – главного героя по кличке Карамора. Прототипом Караморы был Азеф, глава боевой организации эсеров, который готовил теракты, посылал людей на смерть и одновременно докладывал об этом в полицию.

Герой рассказа получает особое наслаждение от игры чужими жизнями. В основе этого лежит один из самых темных и даже жутких черт характера, таящихся в глубоком подполье человеческой психики - подлость. Оказывается (если судить по четырем эпиграфам, которые Горький предпослал этому рассказу), эта черта характера не чужда даже вполне порядочным людям. Но порядочный человек способен подавить ее.

Герой рассказа, Петр Каразин, по прозвищу “Карамора” (то есть “крупный комар, похожий на паука”), с самого начала своей исповеди беззастенчиво откровенен. Это “подпольный человек” Достоевского, вываливающий наружу весь хлам из подвалов своей души. Он сразу признается: «Жили во мне два человека, и один к другому не притерся» [1, 133]. Позже Карамора полагает, что живут в нем три, а то и четыре человека. Причем один из них наблюдает за распрей первых двух, а четвертый «и есть подлинный Я, которому хочется понять всё или хоть что-нибудь» [1, 138].

Весь рассказ построен как исповедь главного героя, которая по ходу произведения постепенно разматывается перед читателем, словно клубок ниток, но не с ровной нитью, а крайне прерывистой – мысли и ассоциации главного героя, на первый взгляд, представляют собой абсолютно бессвязный мысленно-речевой поток, вид которого напоминает принцип «потока сознания», столь характерный для модернистской литературы XX века.

«Всё-таки писать я не буду. Не хочу. Да и не умею. И – темно писать. Лучше полежим, Карамора, покурим, подумаем» [1, 133], – герой часто обращается к себе в третьем лице, в очередной раз подчеркивая множественность собственной души, словно это не он обращается к себе, но кто-то другой, кто-то из тех, кто сидит в нём и хочет разобраться, что же он за человек такой, Карамора, что собой представляет и для чего создан.

Даже в имени главного героя мы видим эту многоликость – в начале рассказа и в описании революционной деятельности читателю предстаёт Пётр Каразин, человек, мечтающий о подвиге, о чем-то возвышенном. Когда же он постепенно переходит в оппозиционный лагерь, мы начинаем видеть того самого Карамору, похожего на паука. Он плетёт свою паутину и со временем запутывается в ней сам. Происходит тотальное переосмысление понятий, основное из которых – подвиг превращается в подлость. Предавая товарищей, Карамора считает, что в его поступках нет ничего аморального, и, более того, постепенно начинает считать это подвигами.

Что движет им? Литература эпохи конца XIX – начала XX века, помимо прочего, характеризуется тем, что в ней происходит тотальный отход от принципа детерминизма, среда не влияет на человека как всецело важный фактор. В противовес утерянной категории приходит мотивика – каждый персонаж, каждый характер обогащается системой мотивов и лейтмотивов, основной признак которого – кажущаяся отсутствующей связь между поступками и личностью героя. В «Караморе» мотив предательства главного героя кажется не только несвязным, но и абсолютно нелепым, таким, какой не мог бы прийти в голову ни одному здравомыслящему человеку. Впрочем, Петра Каразина нельзя причислять однозначно к людям с расстроенной психикой, нет, он более чем разумен. Просто его понимание мира и происходящего кардинально отличается от привычного нам.

Неуемная энергия и жажда острых ощущений приводит Каразина к революционерам. Затем – аресты и знакомство с жандармами, проницательными психологами и умелыми ловцами человеческих душ.

Во время ссылки Карамора, пережив тиф и едва держась на ногах, сталкивается со «странным человечком», как он сам окрестил его, который стал ему проповедовать о «распятом за нас при Понтийском Пилате» [1, 140]. Человек говорил с жаром, расписывал Караморе Христа в образе спасителя, однако последний отнесся к словам человека не только со скептицизмом, но и явной долей негодования. И в этом споре мы можем отчетливо видеть противостояние не только двух людей, но и двух абсолютно разных сознаний – проповедник лишь читал стихи из Евангелия и жалобно улыбался, в то время как Каразин вдохновенно читал ему своего рода лекцию, яростно убеждая, что Бога нет, что Христос – всего лишь фантазия, выдумка, обман, при этом подкрепляя своё мнение различными фактами. У читателя может возникнуть ощущение, что вся эта речь – отнюдь не настоящее мнение Петра Каразина, быть может, он где-то в глубине своей души и верит в бога, хочет верить, но его сознание забито речами, учениями, взываниями к «здравому смыслу» и так далее: «Говорил я не столько ему, сколько сам себя экзаменуя, просматривая мои мнения о боге, религии и всей этой лирике нищих духом» [1, 141] – разве может человек быть библиотекой знаний и мнений о каких-либо вещах и при этом считать себя вольномыслящим? Отсюда и создается вышеописанное ощущение ненатуральности размышлений Караморы.

В образе проповедника мелькают странные черты, словно он сам и есть Иисус или ангел – хранитель, пришедший спасти душу Караморы, наставить того на путь истинный и помочь ему выбраться из той ямы, в которую он сам себя день за днем толкает: «Ночью

проснулся я, а он стоит среди комнаты, высокий почти до потолка, и бормочет, глядя в окно, указывая рукою на меня:

– Помоги ему, ты – должен, помоги!» [1, 142]

Увидев эту картину, Карамора ничего не говорит старику, лишь считает его странным и отворачивается, чтобы заснуть. После видит он страшный сон, доминирующим мотивом которого является пустота, – словно он один остался в этом мире. Карамора просыпается в страхе, разбуженный стариком. Однако увиденный сон Каразин не воспринимает как знак, которым тот, безусловно, является. Снова мы видим его рационалистическое мышление, он размышляет, что не стоило ему на ночь читать астрономию.

Когда же он размышляет, для чего же, собственно, он пишет свою исповедь, хоть первоначально и не собирался этого делать, он сам всё глубже и глубже запутывается в себе, в попытке понять и разобраться в своих личностях и их желаниях: «Это он и заставляет меня писать. Может быть, он и есть подлинный я, кому хочется понять всё или хоть что-нибудь. А может быть, третий-то – самый злой враг мой? Это уж похоже на догадку четвертого» [1, 152].

Петра Каразина крайне ловко обводят вокруг пальца, заманивая в жандармские сети, ведь для них он является более чем ценной личностью: чем выше человек стоял в революционном сообществе, тем, разумеется, большее количество людей он знал и мог о них сообщить. И под чутким жандармским руководством он вдруг “понимает”, что на самом деле люди очень шатки, неустойчивы, с легкостью изменяют своему делу и вере. Особенно сильно чувствовал Каразин непрочность побуждений к революционной работе: «Идеи оставались со мною, но энергия, оживлявшая идеи, как будто требовала иного применения.

Трудно мне объяснить это состояние тихого, но упрямого бунта, который вызывал во мне странную вялость мысли, чувства и настойчивую потребность испытать что-то неиспытанное.

Может быть, это бунтовал авантюрист, человек привычки к приключениям, конспирации, опасности? Может быть.

Но, проще, суть в том, что раньше я говорил с людьми словами чужими, книжными и, сам оглушённый ими, не прислушивался к себе. А теперь я чувствовал, что внутри меня живёт кто-то, гость непрощенный и неприятный, он слушает мои речи и следит за мною недоверчиво, подозрительно» [1, 147]. Возвращаясь к тому, что было сказано выше, в данной ситуации Карамора постепенно начинает прозревать, видя то, что его убеждения были навязаны с самого начала, они – результат изначальной шаткости его душевного состояния, начавшиеся еще с речей первого его учителя Леопольда.

Карамора начинает замечать то, чего раньше не видел вокруг себя, в частности, заводит отношения с товарищем Сашей, которая прятала его от жандармов у себя на чердаке. Эти отношения принесли Караморе своеобразное разочарование в любви, поскольку он всегда ждал чего-то иного: «И началась у нас "любовь" с великим удовольствием, но "без радости". Так сказать — деловая любовь, и "потому что без этого не проживёшь"» [1, 148]. Однако же в конце рассказа он вспоминает о товарище Тасе, которая, в противовес Саше, являет собой тот самый идеал отношений, который видится Караморе.

Заметив, что за Сашей активно ухаживает некий товарищ Попов, человек новый в городе, в Караморе появляется чувство недоверия, причем не столько к Саше, сколько к этому человеку. Создается впечатление, что у Петра Каразина обнаруживается своеобразный “нюх” на жандармов. Проведя простое расследование, он убеждается в правоте собственных

подозрений и решает собственноручно расправиться со шпионом. Придя в его квартиру на чердаке, Карамора переживает три сквернейших часа в своей жизни. Товарищ Попов бледнеет, краснеет, рассказывает историю своей жизни, пытается оправдаться, вымолить спасение, попутно передавая Караморе записку: «"Ликвидировать Каразина было бы преждевременно, удобнее и полезнее сделать это в Екатеринославе, он скоро приедет туда"» [1, 150].

Карамора вынуждает Попова повеситься, оставив записку: «В смерти моей прошу никого не винить». Он до последнего оттягивает этот момент, даёт Попову возможность плакать, кричать, визжать, в надежде на то, что кто-то из соседей снизу услышит, придёт, остановит. Однако волею случая в квартире снизу – праздник, играет гармонь, там всё громче кричат и топают.

После этого Карамора пребывает в состоянии отчуждённости от самого себя, размышляя, почему же он позволил себе убить Попова. В таком состоянии его забирают жандармы. Товарищ Симонов, который его допрашивал, сразу же представляет ему возможную картину его будущего: либо смерть, либо сотрудничество с ними, причем как дополнительный фактор влияния показывает возможность включить в уголовное дело и Сашу, чего Каразину совершенно не хочется. Однако ключевой фактор здесь – не угрозы и не ответственность. Каразин чувствует острое любопытство, ему хочется работать на жандармов, не ощущая по отношению к себе абсолютно ничего схожего с тем отвращением, что он чувствовал к Попову. Позже он сам удивляется тому, что единственным его чувством при принятии решения было любопытство – и ничего более.

Карамора во время принятия своего решения и после него всё ждал, когда в нём что-то взвзвывает, закричит, чтобы он остановился, прекратил, устыдился. Однако раз за разом ничего подобного не происходило, по-прежнему оставалось только голое любопытство – что же будет дальше? «Разумом я сознавал, что делаю так называемое подлое дело, но это сознание не утверждалось соответствующим ему чувством самоосуждения, отвращения, раскаяния или хотя бы страха. Нет, ничего подобного я не испытывал, ничего, кроме любопытства; оно становилось всё более едким и, пожалуй, тревожным, выдвигая разные вопросы, например:

"Почему так лёгок переход от подвигов героизма к подлости?" [1, 154].

И та служба, которую предложили Каразину – стать провокатором – пришлась ему по душе – теперь человек, носящий в себе несколько личностей, может в равной степени удовлетворять каждую из них. Внешне, в глазах людей, он будет выглядеть вполне достойно, а внутренне он получает возможность «подлость сделать», причем сделать ее на законных основаниях, так сказать, во исполнение служебных обязанностей.

Примечателен и тот факт, что товарищ Симонов, начальник Караморы, прислушивается к нему и, более того, советуется с ним. Словно он разглядел в Караморе личность, которая вне зависимости от выбранной роли будет на высоте, и пользуется этим. В образе Симонова мы видим воплощение своеобразного образа «материалистического верующего» – книга Брема «Жизнь животных» занимает собой огромную часть его мыслей, для него она – Библия. И от этой Библии Карамора отшатывается, не видя в ней смысла. Он словно отталкивает от себя все возможные религии, признавая в них очередной способ влияния на человека.

Спрашивая Симонова о том, почему, на его взгляд, он так поступает, он не получает вразумительного ответа. Симонов считает, что он странный, быть может, даже немного

сумасшедший, но открыто признаётся в том, что не может понять мотивов Караморы, не может проникнуть к нему в душу и вытрясти из него суть. Далее он говорит, что Карамора всю эту внутреннюю канитель попросту придумал, поскольку ему скучно, и ничего опасного на самом деле в этом нет.

В конце рассказа Карамора утверждает: «Я не всё написал, а всё, что написал – не так. Но – больше писать не хочется» [1, 168] – тем самым заканчивая свою исповедь. Последняя фраза: «Опять лезут ко мне. Надоели» [1, 168] – показывает, что ему по-прежнему чужды понятия совести, ответственности, что всё, что он делал, – делал для себя, в попытке разобраться, кто же он, собственно, такой.

Список использованной литературы

1. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. / М. Горький. – М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1952. – Т. 16: Рассказы, повести. – 604 с.
2. Веселовский А. Н. Избранные статьи / А. Н. Веселовский; под ред.: М. П. Алексеева; [и др]; вступ. ст.: В. М. Жирмунского. – Л.: Худож. лит., 1939. – 572 с.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. Десницкий В. А. М. Горький: очерки жизни и творчества / В. А. Десницкий. – М., 1959. – С. 94–152.
5. Луначарский А. В. Максим Горький / А. В. Луначарский; Изд. 2-е. – М.; Л.: Гослитиздат, 1932. – 30 с.
6. Нямцу А. Е. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования) / А. Е. Нямцу. – Черновцы : Рута, 2007. – 519 с.
7. Силантьев В. И. Поэтика мотива / В. И. Силантьев; под ред.: Е. К. Ромодановской; М.: Языки славянской культуры. – 2004. – 296 с.